

ПОЭТОЛОГИЯ В КНИГАХ ЭССЕ А. СКИДАНА И М. СТЕПАНОВОЙ

Аннотация. Начало XXI века связано с ощущением истощенности многих смыслов и значений, связанных с поэзией как феноменом культуры. Цель этой статьи – выявить систему сходств и различий в трактовке поэта и поэзии у современных поэтов А. Скидана и М. Степановой. Используемые в работе аналитические приемы сводятся к выявлению авторских поэтологических концептов, характеристике связанных с ними ассоциативно-смысловых контекстов, сравнительно-типологическому анализу предлагаемых поэтами решений. Установлено, что кризис поэзии и поэтичности обоими авторами связывается с ускорением информационного обмена в культуре, с усилением роли медиа, с изменением принципов взаимодействия поэта и его аудитории. Способом противостоять обесцениванию слова оказывается актуализация его связей с трансцендентным, с архаическими ритуалами жертвоприношения и растраты. Выход за пределы универсальной для современной культуры системы координат осуществляется с помощью «поэтики разорванности» и «поэтики отказа», за счет акцентирования в поэтической речи «негативности» и «непрозрачности». Средствами ее создания выступают жанровая полиморфность, коллажная композиция, стилистическая полифония, поэтическое многоголосие, разрушение целостности образа, деструкция субъективности. Современная «поэзия без свойств» предполагает создание «текста-руины», в котором смысл возникает в момент своего уничтожения. Эта поэзия предполагает высокую степень рефлексии, внимание к различным способам создания эстетической условности. В рамках поэтологических концепций А. Скидана и М. Степановой эффект новизны связан с выходом в пространство «чужого», с намеренным «прерыванием эстетической иллюзии». При этом «конец» поэзии или ее «смерть» рассматривается как крайний случай, который в современной художественной практике заменяется постановкой под вопрос привычных признаков поэтичности. Рефлексивность «поэзии без свойств» не исключает внимания к иррациональным, неподконтрольным субъекту механизмам творчества. В разбираемых поэтологических концепциях они соотносятся с представлением о «литературных машинах», способных производить смыслы вне всякого контроля субъекта и даже вопреки ему. Конечная цель «негативности» современной лирики – создание новой социальности, нового понимания политического.

Ключевые слова: поэтология; лирикология; литературная рефлексия; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; лирические жанры.

Zhitenev A. A.
Voronezh, Russia

POETOLOGY IN ESSAY BOOKS OF A. SKIDAN AND M. STEPANOVA

Abstract. The beginning of the 21st century is associated with the feeling of exhaustion of different ways inherited from the tradition of imagining the range of meanings associated with poetry as a special phenomenon of culture. The purpose of this article is to identify a system of similarities and differences in the interpretation of the poet and poetry in modern poets such as A. Skidan and M. Stepanova. The analytical techniques used in the work are reduced to the identification of author's poetic concepts, the characteristic of associated semantic contexts, and a comparative typological analysis of the solutions offered by the poets. It has been established that both authors connect the poetry and poesy crisis with the acceleration of information exchange in culture, with the increasing role of the media, with the change in the principles of interaction between the poet and his audience. The actualization of relation to the transcendent, archaic sacrifice and waste rituals is the way to resist the world devaluation. Going beyond the limits of the coordinate system, which is universal for the modern culture, is carried out with the help of "poetics of disruption" and "poetics of refusal", by emphasizing "negativity" and "opacity" in the poetic speech. Genre polymorphism, collage composition, stylistic polyphony, poetic polyphony, destruction of the image integrity, subjectivity destruction are means of its creation. Modern „poetry without properties“ involves the creation of "text-ruins", which meaning arises at the moment of its destruction. This poetry involves a high degree of reflection, attention to various ways of creating aesthetic conventionality. Within the framework of poetic concepts of A. Skidan and M. Stepanova, the novelty effect is associated with the exit into "someone's" space, with the intentional "interruption of aesthetic illusion". At the same time, the "end" of poetry or its "death" is considered as an extreme case, which in modern artistic practice is replaced by the questioning of the usual signs of poetry. The reflexivity of "poetry without properties" does not exclude attention to the irrational mechanisms of creativity uncontrollable to the subject. In case of studied poetic concepts, they correlate with the concept of "literary machines" capable of producing meanings beyond the control of the subject and even in spite of him. The ultimate goal of the "negativity" of modern lyricism is to create a new sociality and a new political understanding.

Keywords: poetology; lyricology; literary reflection; Russian poetry; Russian poets; poetic activity; lyrical genres.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00205).

Acknowledgments: This work is supported by the Russian Science Foundation under the grant № 19-18-00205.

Для цитирования: Житенев, А. А. Поэтология в книгах эссе А. Скидана и М. Степановой / А. А. Житенев // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 174–180. DOI 10.26170/FK19-02-23.

For citation: Zhitenev, A. A. Poetology in Essay Books of A. Skidan and M. Stepanova / A. A. Zhitenev // Philological Class. – 2019. – № 2 (56). – P. 174–180. DOI 10.26170/FK19-02-23.

Введение. Изменение на рубеже XX–XXI веков всего «поля литературы» особенно глубоко сказалось на поэзии. Начиная с 2000-х гг. в литературной критике широко обсуждается вопрос о перспективах сохранения за поэзией статуса «выделенной зоны особой престижности» [Пригов 2003], о путях преодоления «отчуждения от поэзии» [Седакова 2004]. В этой связи особый интерес представляют разные варианты «апологий» поэзии [Житенев 2018] и поэтологических концепций.

В современной науке о литературе термин «поэтология» имеет широкий спектр значений [Новиков 2001; Федотова 2012; Бердникова 2009], связанных с экспликацией представлений о «поэтическом» [Тростников 1998: 6], с «идентификацией субъекта, осознающего свою причастность к творчеству» [Тернова 2010: 302], с «осмыслением оснований литературного языка, проблематизацией его референциальной природы, взаимодействием „я“ субъекта и создаваемого им текста» [Корчинский 2004: 6]. В рамках этой работы будет взят за основу последний, синтетический подход.

Современное литературное пространство предполагает сосуществование многих систем координат, и построение любой типологии будет продуктивным только в рамках конкретного литературного сегмента. В этой статье объектом анализа будет «неомодернистский» сегмент, связанный с пересмотром параметров поэтичности, унаследованных от модернизма и «исторического авангарда». Конкретным материалом послужат сборники эссе А. Скидана «Сумма поэтики» (2013) и «Расторжение» (2010) и М. Степановой «Один, не один, не я» (2014).

Эти книги имеют определенную историю рецепции, но связана она исключительно с литературной критикой. Применительно к критической прозе М. Степановой принято говорить о «страстном, солидарном чтении» [Гулин 2014], о неконвенциональных «интонирующих курсивах» [Оборин 2015], о «попытке выйти за инерционные пределы» литературных прочтений [Кутенков 2014]. В числе литературно-критических принципов А. Скидана отмечены «разнообразие сомнений и вопросов» [Уланов 2013], «стереофонический эффект» сопряжения разных языков описания [Оробий 2013], внимание к «неравновесным состояниям культурной среды» [Балла-Гертман 2013].

Цель этой статьи – выявить систему сходств и различий в трактовке поэта и поэзии у А. Скидана и М. Степановой. Используемые в работе аналитические приемы сводятся к выявлению авторских поэтологических концептов, характеристике связанных с ними ассоциативно-смысловых контекстов, сравнительно-типологическому анализу предлагаемых поэтами подходов и решений.

Обсуждения и результаты. И у А. Скидана, и у М. Степановой точкой отсчета в развертывании поэтологии является ощущение глубокого неблагополучия современной культуры, связанного с экспансией медиа и ускорением информационного обмена. При этом понимание сути проблемы у поэтов разнится.

Для Скидана существенно то, что в новейшем медийном поле восходящая к архаике связь слова и чувственности разрушается, и поэзия утрачивает соотнесенность с полнотой бытия. Стремление к инте-

ративности и зрелищности возникает из ощущения «девальвации, неэффективности слова как такового, нуждающегося <...> в компенсации, в энергичной аудиовизуальной подпитке» [Скидан 2013: 213]. Эта логика определяется пониманием того, что поэтическое слово прежде всего должно быть бытийственным: «в перформансах и мультимедиа поэзия ищет воссоединения с ускользающей из-под ног основой, той чувственной реальностью, <...> которая и была ставкой во всех художественных революциях XX века» [Скидан 2013: 217]. Создание текста трактуется как экзистенциальный опыт особого рода, в котором «форма рождается из самодвижения экспрессивных жестов, из нервных импульсов и шоков» [Скидан 2013: 58], и наиболее действенной оказывается тогда, когда смысловой сдвиг «проходит по границам сразу нескольких чувствительных зон» [Скидан 2013: 106].

С точки зрения М. Степановой, для современного поэтического сознания проблематичной оказывается включенность в поле мгновенной интеракции, которое изменяет режимы восприятия текстов. Критично не перепроизводство информации само по себе, а включенность поэзии в контекст, в котором резонансность сообщения определяется мерой его развлекательности: «В почете все интенсивное, быстродействующее, любовое»; «все, что кажется лишним, малосущественным, вытесняется на обочину» [Степанова 2014: 28, 30]; подобное «редактирующее чтение» не оставляет шансов для всего «неочевидного, тонкого, многослойного» [Степанова 2014: 27]. «Настоящего читателя» заменяет читатель-потребитель, для которого существенны «энергичность, увлекательность, удобство восприятия», взгляд на текст как «инструмент немедленного наслаждения» [Степанова 2014: 26–27]. Из литературного обихода уходит понимание того, что автор имеет «право на одиночество, на неписание, на долгие переходы от текста к тексту» [Степанова 2014: 33]. Все эти обстоятельства в совокупности вызывают «обмеление стиха».

Осознание кризиса побуждает к попыткам конкретизировать положение вещей в широком историко-литературном контексте. Оба поэта исходят из высокой вариативности представлений о поэзии, что позволяет заключить в скобки представление о «гибельности» медийного влияния. «Поостережемся называть нынешние изменения упадком или выносить окончательный приговор. <...> Действительно, происходили исторические сломы, радикально менявшие положение и функцию поэзии в обществе, а возможно, и саму ее сущность», – отмечает А. Скидан [Скидан 2013: 216]. Для М. Степановой производство таких «слов» – способ существования поэзии как культурной практики: «Поэзия сохраняет себя путем разрывов, отрекаясь от того, что только что составляло ее неотъемлемую принадлежность, а то и самую суть» [Степанова 2014: 38]. В то же время при всей изменчивости категориальных рамок, связанных с поэзией, одно ее качество рассматривается как константа: это ее связь с трансцендентным.

В эссеистике М. Степановой поэзия определяется через ее связь с «иным» и «другим»: «Поэзия создает очаги другой реальности <...> образует в жизненной ткани зоны для *выпадания в другое*» [Степанова 2014:

208]; «Назначение поэзии <...> в том и состоит, чтобы <...> быть прорехой, черной дырой, ведущей бог весть куда и с какими целями» [Степанова 2014: 22]; «единственная задача» поэтического текста, – «свидетельствовать о существовании *иного*» [Степанова 2014: 227]. Инаковость этого «иного» может конкретизироваться через категории «нового» и «скрытого»: поэзия – это «машина, настроенная нами на поиск нового», его «поглощение и переваривание» [Степанова 2014: 220]; поэт – «простое устройство, что-то вроде фонарика, наведенного на те или иные объекты, делая их впервые видимыми, – но место, где мы нуждаемся в фонаре, темное и чужое» [Степанова 2014: 38].

Экзистенциальная неосвоенность этого «чужого» позволяет рассматривать поэзию как «арену антропологического эксперимента» [Степанова 2014: 26], как «предприятие по добыче некоего экстремального (или хотя бы специального, не легко и не всем дающегося) опыта», который призван «подтолкнуть читателя, вывести его из себя (куда-то во *вне себя*)» [Степанова 2014: 37]. Поэт выступает и первооткрывателем новых областей бытия, и проводником в эти области. На «метафизическом сквозняке» стихи – «единственный инструмент познания, палка в руках слепого» [Степанова 2014: 25]; функция поэзии – это «работа поводыря, проводника, помощника в походе по чужим и небезопасным краям» [Степанова 2014: 158]. Ценность «иного» – в проблематизации данности, в обозначении бытийных альтернатив; поскольку же любая альтернатива известному некомфортна, поэты – «производители неуютного, неприменимого в быту, социально неприемлемого» [Степанова 2014: 35].

В концепции А. Скидана связь поэзии с «иным» тоже важна, но раскрывается она по-другому. В его понимании за поэтами в современном мире закреплена роль «проводников трансцендентного»; типологически они выполняют те же функции, что и сакральные фигуры архаических сообществ: «реактивизировать трансцендентное, иными словами, переступить антропологическую и онтологическую границы, нарушить естественный миропорядок и установить сверхъестественный, „не от мира сего“» [Скидан 2013: 59]. Поэтическое высказывание одновременно и трансгрессивно, и конструктивно, оно знаменует «временный (экстатический) выход за пределы установленного культурного поля, отмену основополагающих границ и различий – социальных, гендерных, даже антропологических» [Скидан 2013: 132], но в то же время оно учреждает символический порядок, «становится фигурой преображения-спасения» [Скидан 2013: 61].

Стремление к «антропологическому пределу» [Скидан 2013: 195] позволяет наметить еще одну важную параллель – с традицией ритуалов «траты»: «Жертвоприношение и трата – фундаментальная человеческая потребность, вытесненная в ходе исторического развития. Поэзия сегодня оказывается едва ли не последним ее прибежищем» [Скидан 2013: 24]. Эта архаическая структура актуализирует образ поэта как фигуры, «выпадающей» из любых социальных установлений, напоминающей «шаровую молнию, блуждающую, чтобы испелить первого встречного и поперечного, а заодно и себя» [Скидан 2013: 203]. «Судорожная свобода

и красота» ритуальной траты находит свое отражение и в рассуждениях М. Степановой, также усматривающей в поэзии «своего рода потlach, оргию самоотдачи» [Степанова 2014: 40].

Ритуальная «отмена» одного порядка и его замена другим актуализирует разговор о способах противостояния девальвации слова. И у А. Скидана, и у М. Степановой в этой связи появляется метафора «противушерстности». Это слово появляется у М. Степановой в контексте ее рассуждений о цветаевском понимании «правды поэта» [Степанова 2014: 122]; близкая формула возникает и у А. Скидана, когда он объясняет логику отбора материала для своих эссе: «История, в том числе история литературы, пишется победителями. Поэтому необходимо „чесать историю против шерсти“ <...> И сподвигнуть на это способны не триумфаторы, а „проклятые“, инакопишущие, те, чье письмо выходит за пределы актуального порядка истины» [Скидан 2013: 11]. «Скандалное» выламывание из этого порядка, избличающее любые правила как временные, осознается им как главный критерий литературной современности» [Скидан 2013: 14].

«Выход за пределы актуального порядка истины» связывается А. Скиданом прежде всего с отказом от «конвенциональности» в пользу «рефлексии». Эпитет «конвенциональный» в его системе рассуждений – ярлык для эстетической инерции, «исчерпанности, самоповтора» [Скидан 2013: 31]. Рефлексивность связана с острашением «базовых для данной (стиховой) культуры ценностей», с «резко выраженной модернистской установкой» [Скидан 2013: 88]. Задача эстетической рефлексии – в «подвешивании» готовых смыслов, в создании условий для выхода в необозначенное: «Чувственный опыт она должна претворить в умопостижимый. Дать реальности, или ее сущностной черте, или диспозиции, имя» [Скидан 2013: 70].

Наиболее очевиден такой выход за пределы «эпистемы» в ситуациях исторического перелома. Поэта занимает «„интериоризация“ исторической катастрофы и обращение ее в катастрофическое (посткатастрофическое) письмо, порывающее с целым рядом фундаментальных предпосылок или иллюзий, на которых зиждется традиционное представление об искусстве» [Скидан 2013: 21]. Типологически соизмеримыми в своей катастрофической сути оказываются самые разные феномены: революция, мировая война, крушение советской системы. Применительно к В. Ходасевичу А. Скидан пишет о столкновении «рафинированного культурного сознания» с пределом, заставляющим осознать «ограниченность и бессилие искусства» [Скидан 2013: 290]; в связи с П. Целаном – об опыте «фантомного существования <...> в зоне, где бытие неотлично от небытия» [Скидан 2013: 129]; характеризуя поэтику Е. Фанайловой, замечает, что у нее война «инкорпорируется и меняет физиологию, метаболизм речи» [Скидан 2013: 66].

Предметом особого интереса оказывается в этой связи опыт, в котором «конец или смерть поэзии / искусства открыто тематизируется» [Скидан 2013: 17]. Это предельный случай «критики поэзии», заставляющий искать альтернативу молчанию во вновь и вновь воспроизводимом жесте «семиотической трансгрессии»

[Скидан 2013: 17]. Его самый наглядный пример – практика обэриутов, у которых, как полагает А. Скидан, «фарсовые драматические формы» обнажили «магически-обрядовые механизмы, восходящие к заговору, заклинанию, молитве, каковые и образуют отныне невозможный горизонт – исток и одновременно предел – всякой поэтической речи» [Скидан 2013: 221].

Такой же интерес к существованию поэтической речи на экзистенциальном пределе обнаруживается и у М. Степановой, совпадающей с А. Скиданом в высоких оценках А. Введенского. Стихи, написанные «как бы на подоконнике, вынесенном в несуществование», оказываются предельным воплощением представления о поэзии как странствии в «иное»: здесь «отменяется слово», и «все вещи значат одно: прощание, исчезновение, иное» [Степанова 2014: 192]. Тот же принцип определяет интерес М. Степановой к В. Зебальду, у которого «все худшее случилось еще до начала», и «ужасное» обступает жизнь «как сплошная водяная стена» [Степанова 2014: 61].

Различным, однако, оказывается отношение поэтов к близости зла. Для А. Скидана важна оценка П. Боула, видевшего в литературе род «заклятия, оберега», позволяющего «держат зло за порогом» [Скидан 2013: 176]. Для М. Степановой как интерпретатора С. Лагерлеф, напротив, существенно напряженное переживание близости зла и уязвимости порядка: «Строго говоря, уют возможен, когда он окружен кольцом темноты: непогоды, тревоги, сгущающегося зла. Тогда-то лампа зажигается сама собой...» [Степанова 2014: 116].

Примеры «семиотической трансгрессии» важны как предельные, невоспроизводимые случаи «критики поэзии». Задача «выпадения» из современной «эпистемы», связанной с господством новых медиа, предполагает совсем другой набор стратегий. В эссеистике А. Скидана в этой связи заходит речь о «поэтике абсолютной разорванности» [Скидан 2010: 218], а в работах М. Степановой – о «поэтике и политике отказа» [Степанова 2014: 196]. Для А. Скидана важнейшим маркером искомой творческой практики оказывается «негативность», для М. Степановой – «непрозрачность».

«Непрозрачность» – суммарное обозначение свойств поэтической речи, связанных с отрицанием «тирании занимательного» [Степанова 2014: 67]. М. Степанова характеризует «непрозрачность» как «темное, закрытое, непопулярное, незанимательное, неуспешное, катакомбное существование, идущее в стороне» [Степанова 2014: 35]. «Сильной, то есть неповторимой» [Степанова 2014: 37] поэтике этого типа делает последовательный отказ от всех актуальных в данной поэтической культуре признаков поэтичности. М. Степанова говорит в этой связи об «ошкуривании текста»: «Поэт должен снять как шелуху все то, что составляет для него животную прелесть поэзии, все ее погремушки и побрякушки, ритм, рифму, цитаты, все, включая авторскую повадку, то, что принято называть авторским голосом <...> в надежде, что за чертой обнаружится неделимый, невымываемый остаток – вещество поэзии в чистом виде» [Степанова 2014: 39-40].

Одним из самых важных примеров такого «непрозрачного» существования является для М. Степановой авторская стратегия Л. Шваба, в которой «неучастие

в литературной политике», «отказ от теоретического высказывания», «негромкость и ненавязчивость присутствия в словесности» [Степанова 2014: 196-197] образуют единый смысловой ряд. Важнейшим творческим принципом, его скрепляющим, становится устранение «фигуры автора до запроса» [Степанова 2014: 201]. Отказ от «я, лишнего как такового» [Степанова 2014: 39], мысль о том, что «себя можно снять, как тяжелый рюкзак <...> или перевернуть, как страницу, всеми буквами вниз» [Степанова 2014: 178], в эссе М. Степановой очень важны. При этом современная творческая практика допускает разные варианты «выходов из себя и мира» – от «фиктивных фигур авторства», в которых условный субъект необходим для выполнения «единичной задачи», до «анонимных и псевдонимных проектов, опытов говорения голосами» и превращения поэта в «хор» [Степанова 2014: 45, 42-43].

«Негативность» А. Скидана многокомпонентна и включает несколько направлений выхода за пределы «конвенциональной» речи: субъектность, композиционно-жанровая структура, ассоциативно-образные связи. На всех этих уровнях торжествует «диссонанс, разноголосица», «стратегия контрвалоризации» [Скидан 2013: 19].

Как и у М. Степановой, самым простым способом снять «намордник литературы» [Скидан 2013: 104] становится отказ от субстанциального, равного себе субъекта: «Готовые культурные смыслы необходимо разрушить, подчеркивая собственную разъятость, нецелостность. <...> Ибо мы – нецелостные существа» [Скидан 2010: 214]. С точки зрения поэта, «„свое слово“ всегда состоит из экспроприированного „чужого“» [Скидан 2013: 104], «тексты всегда пишутся на полях чужих текстов» [Скидан 2013: 149]. «Разложение лирического голоса на множество голосов» А. Скидан отмечает у К. Вагинова, Е. Шварц, Е. Фанайловой [Скидан 2013: 21, 55, 65].

Раздробленности субъекта на жанрово-композиционном уровне соответствуют разные стратегии монтажного объединения фрагментов, эстетический эффект соотнесения которых тем сильнее, чем очевиднее их контраст. Говоря о столкновении разных «типов высказывания», Скидан пишет об опыте И. Жукова, тексты которого можно рассматривать как «буклеты с образчиками поэтических новшеств, где „озарения“ и „находки“ беспорядочно перемешаны с подслушанными на улице или в семейном кругу разговорами, цитатами из газет, телерекламой etc.» [Скидан 2013: 33]. Характеризуя стиливые диссонансы современной поэзии, он пишет о Е. Фанайловой, в лирике которой очевидно «резкое столкновение различных лексических планов и культурных кодов: просторечия, сленг, скабрзности, мат взрывают, рвут на части <...> стиховую ткань, состоящую <...> из лоскутков <...> отсылок, реминисценций, парафраз, от сводки теленовостей до житийной литературы» [Скидан 2013: 65] (65). В том же ряду оказывается и метод «разрезки» К. Акер, «позволяющий сталкивать между собой разнородные по происхождению, характеру и функции дискурсы» [Скидан 2013: 163].

Диссонанс, обусловленный нецелостностью образного ряда, у А. Скидана связан с категорией «неразрешимости». «Неразрешимость» – эффект, состоящий в блокировании любого обобщения, любой предмет-

ной представимости. Он рассматривается как системообразующий признак поэтики А. Драгомощенко: «Поэзия Аркадия Драгомощенко – это поэзия апорий, нереализуемых тропов, любая интерпретация которых оказывается до боли недостаточной» [Скидан 2013: 125]. Он же обнаруживается и в поэтической практике Ш. Абдуллаева: «Впечатляющая диалектика зрения и языка, живого и мертвого, реального и ирреального, умозрительного и конкретного, бытия и ничто – завершается апорией, неразрешимой по определению» [Скидан 2013: 49].

«Негативность» осознается А. Скиданом как единственно эффективная стратегия противодействия «товарному фетишизму в его эстетических проявлениях», и ее задача сводится к «прерыванию эстетической иллюзии» – «отсюда сопротивление произведению, сопротивление искусству как искусству» [Скидан 2010: 217]. Об этом «прерывании» он пишет как о конститутивном признаке современной поэтической практики, как об ориентире, к которому следует стремиться.

«Выход из роли», «показ показа» рассматривается как «высшая, непревзойденная точка эстетической рефлексии»: «Все радикальные опыты в визуальном искусстве <...> исходили из опыта прерывания, разрушения эстетической иллюзии. <...> Как только мир схватывается намертво в репрезентации, тотчас возникает Gesamtkunstwerk – тоталитарный проект, в котором форма раздавливает материал и дематериализуется сама социальная материя» [Скидан 2010: 213]. «Цезура», «синкопа», «распыленность» поэтической материи оказываются желанными целями. Характерно, что «выход из роли» обнаруживается Скиданом у самых разных авторов – от Р. Барта, «материализовавшего в письме диалектику узнавания-неузнавания (себя)» [Скидан 2013: 263], до Д. Пригова, обнажившего «искусственность, сделанность текстовой конструкции, наряду с конструкцией („персонажностью“) лирического субъекта» [Скидан 2013: 267].

Конечная цель «негативной» практики – деструкция поэтичности, в которой, однако, поэзия не аннигилирует, а утверждает себя в акте самостирания. В случае с отдельным текстом в этой связи можно говорить о «руинировании» речи, в случае с поэтической практикой как целым – о «поэзии без свойств». Последнее определение появляется в работе А. Скидана о Ш. Абдуллаева: «Читателю, выросшему на русской классике, поживиться здесь абсолютно нечем. Соответственно такому читателю будет весьма непросто войти в эмоциональный резонанс, не говоря уже о том, чтобы по достоинству оценить эту поэзию „без свойств“; первой реакцией, скорее всего, станет отторжение, желание отказать ей в праве вообще называться поэзией» [Скидан 2013: 46].

«Руинированные» тексты – постоянный лейтмотив эссеистики А. Скидана. Размышления о «руинировании» стиха появляются в статье о С. Завьялове: «Поэтика Завьялова – это поэтика текста-руины, в которой произведение утверждается в момент собственного распада, на вершине крушения» [Скидан 2013: 41]. В том же метафорическом ряду оказывается поэтическая практика К. Вагинова: «Его поэзия – это поэзия культурных развалин. <...> Одним из первых он не

просто использует чужое слово как цитату или реминисценцию, но тематизирует его как руину» [Скидан 2013: 21]. О самоуничтожающемся, «руинированном» смысле идет речь в эссе об А. Драгомощенко: «Смысл, подобно прикосновению, возникает в кратчайший миг собственного стирания, по касательной, в „неукоснительной косвенности“» [Скидан 2013: 121]. Образ текста-«руины» – очередной пункт пересечения с М. Степановой, у которой схожим образом описывается проза В. Зебальда, «развоплощающаяся по ходу прочтения» [Скидан 2013: 52].

«Негативность» выносит на первый план рефлексивный характер поэтической работы, однако не все в собственной творческой практике поэту подконтрольно. Сама соотносительность лирики сразу и с областью чувственного, и с областью трансцендентного исключает тотальность рефлексии. И у А. Скидана, и у М. Степановой в этой связи появляется образ «поэтической» или «литературной» «машины».

В работе М. Степановой о М. Цветаевой «лирическая машина» – образ, обозначающий отсутствие связи между творческой продуктивностью писателя и его экзистенциальным состоянием: «Налицо лирическая машина <...> работающая независимо от внешних обстоятельств или даже с обратной зависимостью – тем больше, чем хуже приходится человеку, пускающему ее в ход» [Степанова 2014: 133]. В статьях А. Скидана «машинерия» связывается с «орудийным пониманием поэтического языка, способного <...> „забросить“ сознание в сферы, куда в обыденном состоянии доступ ему закрыт» [Скидан 2013: 57] или, напротив, с превращением текста в «логарифмическую таблицу» готовых смыслов [Скидан 2013: 264]. В этой связи поэт пишет о «логико-поэтических машинах» Д. Пригова [Скидан 2013: 264], о «каламбурных машинах» А. Введенского [Скидан 2013: 118], об «экстатических, „адских машинах“, перемалывающих жизненный „материал“ в прах», В. Кондратьева [Скидан 2013: 206]. В работе о К. Вагинове заходит речь о «смертоносной литературной машине»: «Вагинов первым <...> в русской традиции, изобретает <...> машину, стирающую грань между чтением и письмом, литературой и жизнью, жизнью и смертью. <...> Такая машина – радикальное воплощение контрвалоризации...» [Скидан 2013: 19–20].

«Машине капитализма», таким образом, противостоят у А. Скидана «машина литературы». Способность текста противостоять механизмам власти и контроля актуализирует еще один существенный для поэта лейтмотив – «нераздельности и неслиянности» поэтического и политического. В эссеистике М. Степановой тоже заходит речь о поле «необходимых слов», об «ощущении осмысленного общего пространства» [Степанова 2014: 25], но оно не тематизируется как политическое и не осмысливается в соответствующих категориях. Между тем для А. Скидана это одно из самых важных изменений «негативности».

Констатируя историчность представления об «автономии искусства», Скидан обнаруживает «политические» импликации уже в первых, связанных с романтической эпохой попытках обозначить эту автономию, когда «в двойном обещании свободы и равенства <...> завязывается сюжет всех будущих эстетических <...>

революций» [Скидан 2013: 68]. Поэтическое высказывание всегда так или иначе политически окрашено – не только потому, что является «структурным элементом определенной формации» [Скидан 2013: 288], но и потому, что политика есть «опытное <...> обустройство общего пространства бытия» [Скидан 2013: 291]. Политизированное искусство, ориентированное на то, чтобы через «через цезуру, остранение, саморефлексию, фрагментарность <...> обнаружить асемантические зазоры, складки смысла, еще не захваченные идеологией» [Скидан 2010: 214], в этом смысле выступает лишь предельным воплощением поэтической интенции, поскольку «стихотворение уже само по себе есть изгнание из мира», свидетельствующее «о готовности пребывать вне актуального порядка истины» [Скидан 201: 225].

Заключение. Прделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что в эстетической рефлексии «неомодернизма» представление о поэзии и поэте формируется путем «заклучения в скобки» литературной традиции XX века. Она и не отрицается и не поддерживается, выступая предметом системной критики, нацеленной, с одной стороны, на деструкцию модер-

нистского мифа о поэте, а с другой, – на его вторичную актуализацию с поправкой на идеи структурной антропологии, социологии «сакрального», теории медиа.

Синтетизм определяет широту современных поэтологических концепций, стремление к сопряжению далеких явлений и персоналий. Существенное значение в артикуляции поэтологических идей играет логика «негативной диалектики», стремление к феноменологическому воздержанию от готовых обобщений. Построение поэтики на отрицании «поэтического», на эффекте «самостирающегося» высказывания оказывается универсальной творческой установкой.

Практика такого рода рассматривает «смерть поэзии» как сохраняющую неизменную актуальность «предельную» возможность, однако литературная реальность выстраивается лишь на «прерывании иллюзии», а не на ее отмене. «Катастрофические» поэтики XX века значимы только как невоспроизводимые образцы «семиотической трансгрессии». Новыми ориентирами становятся обратимость секулярного и ритуального, частного и общего, эстетического и внеэстетического.

ЛИТЕРАТУРА

- Балла-Гертман О. В сердце абсолютной разорванности. – Режим доступа: www.svoboda.org/a/24953753.html (дата обращения: 03.05.2019).
- Бердникова О. А. Поэтологические модели серебряного века в контексте христианской духовной традиции: к постановке проблемы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 16–23.
- Гулин И. Прожитое прочитанное. – Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/2540002 (дата обращения: 03.05.2019).
- Житенев А. Апология поэзии в новейшей русской литературе // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков (к 100-летию А. И. Солженицына): сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 88–97.
- Корчинский А. В. Поэтология И.А. Бродского в контексте «позднего модернизма»: Стихотворения к. 1960-х – н. 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2004. – 26 с.
- Кутенков Б. Сложение вычитаемого. – Режим доступа: magazines.russ.ru/znamia/2014/10/24s.html (дата обращения: 03.05.2019).
- Новиков А. А. Поэтология Иосифа Бродского. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – 100 с.
- Оборин Л. Про меня, не про меня. – Режим доступа: www.zh-zal.ru/october/2015/3/90.html (дата обращения: 03.05.2019).
- Оробий С. Критика vs поэзия: поверх границ. – Режим доступа: magazines.russ.ru/october/2013/11/30o.html (дата обращения: 03.05.2019).
- Пригов Д. А. Утешает ли нас это понимание? – Режим доступа: magazines.russ.ru/nlo/2003/62/prigov.html (дата обращения: 03.05.2019).
- Седакова О. А. «Вакансия поэта»: к поэтологии Пастернака // Седакова О. А. Poetica. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – С. 349–360.
- Седакова О. В целомудренной бездне стиха. – Режим доступа: magazines.russ.ru/continent/2004/120/sed25.html (дата обращения: 03.05.2019).
- Скидан А. Расторжение. – М.: Русский Гулливер, 2010. – 222 с.
- Скидан А. Сумма поэтики. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 296 с.
- Степанова М. Один, не один, не я. – М.: Новое издательство, 2014. – 232 с.
- Тернова Т. А. Ab actu ad potentiam (от действительного к возможному): поэтология русского футуризма // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Филология. – 2010. – Вып. 5 (85). – С. 302–306.
- Тростников М. В. Поэтология: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 1998. – 47 с.
- Уланов А. Против соблазна упрощения. – Режим доступа: archives.colta.ru/docs/12616 (дата обращения: 03.05.2019).
- Федотова С. В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. – Тамбов: ТОГОАУ ДПО «ИПКРО», 2012. – 293 с.
- Чанцев А. Звезда восходит путем зерна, или На границах литературы. – Режим доступа: www.nlobooks.ru/books/kritika_i_esseistika/293/review/9614/ (дата обращения: 03.05.2019).

REFERENCES

- Balla-Gertman, O. V *serdtse absol'yutnoy razorvannosti*. [In the Heart of Absolute Tornness]. URL: www.svoboda.org/a/24953753.html (mode of access: 03.05.2019).
- Berdnikova, O. A. (2009). *Poetologicheskie modeli serebryanogo veka v kontekste khristianskoy dukhovnoy traditsii: k postanovke problemy*. [Poetological Models of the Silver Age in the Context of the Christian Spiritual Tradition: to the Formulation of the Problem]. In *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 2, pp. 16–23.
- Chantsev, A. *Zvezda voskhodit putem zerna, ili Na granitsakh literatury*. [The Star Rises by Grain, or On the Boundaries of Literature]. URL: www.nlobooks.ru/books/kritika_i_esseistika/293/review/9614/ (mode of access: 03.05.2019).
- Fedotova, S. V. (2012). *Poetologiya Vyacheslava Ivanova*. [Vyacheslav Ivanov's Poetology]. Monografiya. Tambov, TOGOAU DPO „IPKRO“. 293 p.
- Gulin, I. *Prozhitoe prochitannoe*. [Lived Reading]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2540002> (mode of access: 03.05.2019).
- Korchinskiy, A. V. (2004). *Poetologiya I.A. Brodskogo v kontekste «pozdnego modernizma»: Stikhotvoreniya k. 1960-kh – n. 1980-kh gg.* [Poetology of I. Brodsky in the Context of “Late Modernism”: Poems of 1960^s – 1980^s]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk. 26 p.
- Kutenkov, B. *Slozhenie vychitaemogo*. [Addition of deductible]. URL: magazines.russ.ru/znamia/2014/10/24s.html (mode of access: 03.05.2019).
- Novikov, A. A. (2001). *Poetologiya Iosifa Brodskogo*. [Joseph Brodsky Poetology]. Moscow, MAKS-Press. 100 p.

- Oborin, L. *Pro menya, ne pro menya*. [About me, not about me]. URL: www.zh-zal.ru/october/2015/3/90.html (mode of access: 03.05.2019).
- Orobij, S. *Kritika vs poeziya: poverkh granits*. [Criticism vs Poetry: Across Borders]. URL: magazines.russ.ru/october/2013/11/300.html (mode of access: 03.05.2019).
- Prigov, D. A. *Uteshaet li nas eto ponimanie?* [Does this Comfort us?]. URL: magazines.russ.ru/nlo/2003/62/prigov.html (mode of access: 03.05.2019).
- Sedakova, O. A. (2010). «*Vakansiya poeta*»: k poetologii Pasternaka. [“Poet’s Vacancy”: to Pasternak’s Poetology]. In Sedakova, O. A. *Poetica*. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 349–360.
- Sedakova, O. *V tselomudrennoy bezdne stikha*. [In the Chaste Abyss of Verse]. URL: magazines.russ.ru/continent/2004/120/sed25.html (mode of access: 03.05.2019).
- Skidan, A. (2010). *Rastorzhenie*. [Termination]. Moscow, Russkij Gulliver. 222 p.
- Skidan, A. (2013). *Summa poetiki*. [Amount of Poetics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 296 p.
- Stepanova, M. (2014). *Odin, ne odin, ne ya*. [One, not one, not me]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 232 p.
- Ternova, T. A. (2010). *Ab actu ad potentiam (ot deystvitel'nogo k vozmozhnomu): poetologiya russkogo futurizma*. [Ab actu ad potentiam (from Real to Possible): Poetology of Russian Futurism]. In *Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Filologiya*. Is. 5 (85), pp. 302–306.
- Trostonikov, M. V. (1998). *Poetologiya*. [Poetology]. Avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii. Moscow. 47 p.
- Ulanov, A. *Protiv soblazna uproshcheniya*. [Against the Temptation of Simplification]. URL: archives.colta.ru/docs/12616 (mode of access: 03.05.2019).
- Zhitenev, A. (2018). *Apologiya poezii v noveyshey russkoy literature*. [Apology of Poetry in Contemporary Russian Literature]. In *Russkaya i belorusskaya literatura na rubezhe XX–XXI vekov (k 100-letiyu A. I. Solzhenitsyna): sb. nauch. statey*. Minsk, RIVSH, pp. 88–97.

Данные об авторе

Житенев Александр Анатольевич – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет (Воронеж).

Адрес: 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1.
E-mail: superbia@mail.ru.

Author's information

Zhitenev Alexander Anatolyevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore, Voronezh State University (Voronezh).